

Джекоб Эббот
Дарий Великий. Владыка
половины Древнего мира

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=613935
Дарий Великий. Владыка половины Древнего мира / Пер. с англ. Л.А. Игоревского.:
Центрполиграф; Москва; 2003
ISBN 5-9524-0663-7

Аннотация

Книга Джекоба Эббота рассказывает о восшествии на престол Дария I, царя династии Ахеменидов, основанной Киром Великим. При Дарии Персидская империя достигла наивысшего могущества. С помощью своей личной гвардии – «десяти тысяч бессмертных» – ему удалось подавить волнения скифских племен Средней Азии, а также восстания в Вавилонии, Мидии, Эламе, Египте, Парфии и завоевать часть Индии. Поход же Дария против свободолюбивых граждан Греции закончился его поражением в знаменитой битве при Марафоне.

Содержание

Вступление	4
Предисловие	5
Глава 1	6
Кир Великий и его завоевания	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Джекоб Эббот

Дарий Великий. Владыка половины Древнего мира

Вступление

Хроники Дария Великого входят в число самых важных анналов истории Персии. Около 600 года до нашей эры основатель Персидской империи Кир Великий совершал поход на территории, расположенные к северу от реки Аракс, с целью расширения своих владений и дальнейшего прославления себя путем подчинения обитавших там нецивилизованных племен. В одну из ночей, когда Кир пересек большую реку на пути к новым победам, он увидел необычный сон. Во сне ему явился сын одного из царских советников, не наследовавший трон, Дарий, в образе человека, из плеч которого росли крылья, отбрасывавшие тень на весь известный тогда мир. Кир заподозрил, что Дарий постепенно завладеет его империей. Он немедленно послал гонца с наказом Гистаспу, отцу Дария, бдительно следить за сыном до тех пор, пока царь не вернется из похода. Однако Кир погиб в бою, наследником престола стал один из двух законных сыновей Кира – Камбиз.

Во время своего правления Камбиз постарался раздвинуть границы империи и завоевать новые земли. Он направился в Египет, властитель которого, как считал новый персидский монарх, предал его отца, затеяв сложную интригу. В Египте Камбиз добился больших побед, но на обратном пути узнал о заговоре, в результате которого был убит его брат Смердис, а трон в Сузах, столице империи, захватил самозванец. Власть узурпировал местный маг, которого тоже звали Смердисом и который был поразительно похож на наследника. Возвращаясь спешно в столицу, Камбиз, по иронии судьбы, был тяжело ранен лезвием меча, выпавшего из ножен, когда он садился на коня. К несчастью, рана оказалась роковой, узурпатор прочно утвердился на троне.

Среди участников заговора против мнимого Смердиса был дальний родственник Камбиза и, следовательно, Кира, – тот самый Дарий, явившийся Киру в провидческом сне некоторое время назад. В конце концов, было решено определить следующего правителя Персидской империи посредством оригинального состязания. Как гласит предание, Дарий прибег в ходе состязания к обману, чтобы получить трон, но все последующие события в его жизни, как говорят, подлинны. Перечень достижений Дария был представлен многочисленными надписями, высеченными на отвесной Бехистунской скале, которая высится у главного шоссе, связывающего современные Ирак и Иран. Впервые надписи обнаружил в 1621 году итальянский путешественник, но лишь в начале XVIII века сэр Генри Роулинсон смог воспользоваться имеющимся переводом бехистунских надписей, сделанных на трех языках, для раскрытия секретов клинописного письма и богатой истории Ближнего Востока.

Предисловие

Описывая характеры и деятельность исторических персонажей этой биографической серии, автор отнюдь не стремился сгущать краски в оценке их актов насилия и несправедливости или отягощать недобрую славу, которую оставили в памяти человечества эти сверхчеловеки и завоеватели своими амбициями, деспотизмом, а также ужасными и безрассудными преступлениями. Более желательным на самом деле представляется сдерживание, нежели нагнетание духа нетерпимости, который часто побуждает одних людей сурово осуждать ошибки и проступки других, совершенных в обстоятельствах, неведомых первым. Кроме того, осуждение или поношение пороков в ходе повествования о событиях, в которых эти пороки проявляются, мало способствует пробуждению здорового нравственного начала в читателе. По нашим наблюдениям, такие поношения отнюдь не случайно встречаются в священных библейских текстах крайне редко. Рассказы о невоздержанности и мятеже Авессалома, прелюбодеяниях и убийстве, совершенных Давидом, тирании Ирода и другие повествования о преступных деяниях ведутся в спокойной, простой, беспристрастной и сдержанной манере, которая побуждает нас осуждать грехи, но не питать фарисейских чувств мести и гнева к грешникам.

Такой пример повествования, столь очевидный и достойный, автор этой биографической серии взял за образец во всех отношениях.

Глава 1 Камбиз

Кир Великий и его завоевания

Около шести столетий до нашей эры почти всю континентальную Азию объединяла обширная империя. Основателем ее был Кир Великий. По происхождению он был персом, и империю часто называют Персидской монархией по имени его родной провинции.

Кир не довольствовался присоединением к своим владениям всех цивилизованных азиатских государств. На закате своей жизни он задумал приобрести еще большую славу и власть, подчинив на севере за рекой Аракс территории, населенные полудикими племенами. Царь собрал армию соответствующей численности и выступил походом на страну, которой правила туземная царица Томирис. В походе с ним произошли разные приключения, о которых подробно повествуется в нашей истории о Кире. Здесь следует остановиться, однако, на одном происшествии. Оно касается удивительного сна, который увидел царь в одну из ночей, последовавшей сразу же за переходом реки.

Чтобы объяснить надлежащим образом суть этого сна, необходимо сначала сообщить, что у Кира было два сына – Камбиз и Смердис. Царь оставил их в Персии, когда отправился походом за Аракс. В то время жил в одном из крупных городов империи молодой человек примерно двадцати лет, по имени Дарий, – сын одного из знатных царедворцев Кира, которого звали Гистасп. Помимо того что Гистасп принадлежал к дворцовой знати, он, подобно всем знатым особам того времени, занимал командную должность в царской армии. В то время, о котором идет речь, Гистасп сопровождал Кира в походе в глубь территориальных владений туземной царицы и находился вместе с царем в армейском лагере.

Видимо, Кир имел дурные предчувствия относительно исхода своего предприятия и, стремясь сохранить спокойствие в империи во время своего отсутствия и обеспечить наследование его власти законным преемником на случай своего невозвращения из похода, перед уходом за Аракс назначил своего сына Камбиза регентом в своих владениях и доверил ему управление империей в ходе соответствующей церемонии. Она происходила на границе империи перед форсированием армией реки. В этих условиях отец размышлял, естественно, о возможных решениях своего сына и трудностях, с которыми тому пришлось бы столкнуться после того, как на него свалилось бы бремя ответственности. Несомненно, на этом были сосредоточены помыслы Кира, и, вероятно, отсюда проистекает его удивительный сон.

Царю снилось, что пред ним появился Дарий с огромными крыльями, растущими из плеч. Дарий стоял на границе между Европой и Азией, его крылья распростерлись в обе стороны, покрывая тенью весь известный мир. Когда Кир проснулся и поразмыслил над зловещим сновидением, ему показалось, что сон пророчит большую опасность его империи в будущем. Он выглядел знаменем того, что власть Дария распространится однажды на весь мир. Возможно, сын царедворца уже сейчас вынашивает амбициозные предательские планы. Кир немедленно послал за Гистаспом, отцом Дария. Когда тот вошел в царский шатер, ему было приказано вернуться в Персию и бдительно следить за поведением сына, пока царь не вернется из похода. Получив задание, Гистасп отправился его выполнять. Принятая мера предосторожности, вероятно, принесла какое-то облегчение Киру. Царь двинулся со своей армией дальше.

Вскоре Кир погиб в бою. И представляется, что, хотя сон царя в конечном счете оправдался, на тот момент Дарий не помышлял завладеть тронном, поскольку не пытался вме-

шаться в традиционный порядок перехода верховной власти от Кира к его сыну Камбизу. Во всяком случае, этот процесс прошел гладко. Когда весть о смерти Кира дошла до столицы, его сын Камбиз взял правление империей в свои руки.

Главным событием правления Камбиза стала война с Египтом по весьма своеобразному поводу.

Во все века было известно, что некоторые особенности почвы, климата и воздуха Египта вызывали глазные болезни. Жители страны болели этими недугами, им были подвержены и зарубежные армии, постоянно вторгавшиеся в страну. Тысячи солдат-завоевателей нередко теряли из-за них боеспособность и слепли. Естественно, страна, подверженная такой болезни, рождает и лучших ее лекарей. Во всяком случае, так считали в древности, и, соответственно, когда какой-нибудь могущественный монарх того времени или члены его семьи страдали офтальмией, за лекарем посылали в Египет.

Вышло так, что в один из периодов его жизни эта болезнь настигла и Кира. Он послал гонца за лекарем к царю Египта Амасису. Египетский монарх, подобно другим самодержцам своего времени, считавший подданных своими рабами, выбрал из своего окружения способного лекаря и приказал ему отправиться в Персию. Лекарю уезжать очень не хотелось, тем более расставаться с женой и детьми, но приказ царя не подлежал обсуждению и пришлось подчиниться. Лекарь отправился в путь, замыслив придумать какой-нибудь способ отомстить египетскому царю за вынужденную отлучку.

Кир принял лекаря весьма радушно. Благодаря искусству врачевания или по какой-либо другой причине посланец египетского царя приобрел при дворе персидского монарха большое влияние. Наконец он придумал, как отомстить египетскому царю. У того была дочь весьма привлекательной наружности. Отец был сильно привязан к своему чаду. Лекарь посоветовал Киру посвататься к дочери Амасиса. Поскольку Кир был уже женат, египетская принцесса в случае прибытия была бы скорее его наложницей, чем женой, или, если бы она была признана женой, то приобрела бы второстепенное, подчиненное положение. Лекарь понимал, что в этих обстоятельствах египетскому царю ужасно не захочется отдавать принцессу Киру, хотя он едва ли осмелится отказать персидскому монарху. Как раз в надежде поставить Амасиса в крайне неудобное положение посредством сватовства столь могущественного персидского властителя лекарь и давал свой совет.

Киру совет лекаря понравился. Он направил в Египет гонца со свадебным предложением. Как и ожидал лекарь, египетский царь не мог перенести разлуки с дочерью таким образом, с другой стороны, он не посмел вызвать гнев могущественного персидского монарха прямым и откровенным отказом. Наконец, царь решил прибегнуть к хитрости, чтобы выйти из затруднительного положения.

При его дворе содержалась молодая красивая принцесса-пленница, по имени Нитетис. Ее отец, которого звали Априс, был прежде царем Египта, но Амасис сверг его и убил. С этих пор Нитетис стала пленницей. Поскольку она была весьма красива и умна, Амасис решил отправить ее к Киру под видом дочери, руки которой тот добивался. По этому случаю Нитетис одели в роскошное платье, снабдили подарками, многочисленной свитой и отправили в Персию.

Новая невеста пришлась Киру весьма по душе. Фактически Нитетис превратилась в его главную фаворитку, хотя жена царя Кассандана и ее дети Камбиз и Смердис ревновали и ненавидели египтянку. Однажды знатная персидская дама, находившаяся во время дворцового приема рядом с Кассанданой и обратившая внимание на двух стройных молодых сыновей царицы, восхитилась царевичами и сказала Кассандане: «Как вы, должны быть, горды и счастливы, имея таких детей!» – «Нет, наоборот, – ответила Кассандана, – я несчастна, потому что царь презирает и игнорирует меня, несмотря на то что я имею таких детей. Вся его нежность растрачивается на эту египтянку». Камбиз, слышавший этот разговор, сопе-

реживал обиде матери. «Потерпи, мама, – сказал он, – я отомщу за тебя. Как только стану царем, я пойду походом в Египет и переверну все в этой стране вверх дном».

Намерение Камбиза завоевать Египет после восшествия на престол поощрялось и его отцом. Хотя Кир и был очарован женщиной, присланной ему из Египта, он все же возмутился обманом египетского царя.

Кроме того, все крупные азиатские страны были уже включены в состав Персии. Естественно, дальнейшее расширение империи могло происходить лишь за счет стран Европы и Африки. Египет казался наиболее уязвимым, а потому доступным для завоевания за пределами Азии. Хотя сам Кир, достигший преклонного возраста и больше интересовавшийся другими планами, не был готов к походу в Африку, он одобрял намерение сына.

Камбиз, подобно многим сыновьям богатых и могущественных властителей, отличался горячностью, нетерпением и своеволием. Каким-то внутренним чутьем такие отроки перенимают амбиции и чаяния своих отцов. Поскольку их детские капризы и влечения, как правило, удовлетворяются, они не приучены к самоконтролю и вырастают тщеславными, самодовольными, безрассудными и жестокими. Завоеватель, основывающий империю, даже при том, что его характер на склоне лет ухудшается, обычно знаком, хотя бы отчасти, с умеренностью и великодушием. Отпрыск же, наследующий власть отца, редко наследует и добродетели, которые сопровождали эту власть. В случае с Киrom и Камбизом это проявилось наиболее заметно. Отец был благоразумным, осмотрительным, мудрым, часто великодушным и сдержанным человеком. Сын же вырос опрометчивым, импульсивным, неспособным контролировать себя. Он был высокого мнения о своем величии и власти, но презирал права других и был равнодушен к идеям, имеющим целью осчастливить окружающий мир. История его жизни иллюстрирует зло, которое может принести принцип наследуемого самодержавия так же отчетливо, как и в случае с Альфредом Великим в Англии.

Сразу же после смерти отца Камбиз начал подготовку к египетскому походу. Во-первых, следовало определить, как переправить в страну персидские войска. Египет представляет собой вытянутую узкую полосу земли, к которой подступают скалы и пески Аравийской пустыни с одной стороны и Сахары – с другой. Удобных путей доступа к этой стране не было, за исключением морского, но у Камбиза не было достаточного количества кораблей для морской экспедиции.

В то время как новый царь Персии размышлял над этой проблемой, в столицу империи Сузы, бывшей резиденцией монарха, прибыл дезертир из армии Амасиса. Его звали Фанес. Это был грек, командовавший прежде греческими наемниками, которые входили в качестве вспомогательных сил в армию Египта. Поссорившись с Амасисом, грек бежал в Персию, намереваясь принять участие в походе, который замыслил Камбиз, чтобы отомстить египетскому царю. Рассказывая о себе, Фанес сообщил, что ему удалось бежать из Египта с большим трудом, поскольку Амасис, узнав о побеге, послал за ним вдогонку один из своих самых быстрых кораблей – галеру с тройным рядом весел. Галера настигла судно, на борту которого находился грек, когда тот уже высаживался на побережье Малой Азии. Египтяне захватили судно и взяли Фанеса в плен. Они немедленно стали готовиться в обратный путь, посадив грека под стражу и приказав не спускать с него глаз. Фанес, однако, сумел наладить со стражниками хорошие отношения и предложил им распить вместе кувшин вина. Он дождался, когда стражники опьянели, и ускользнул от них. С большими предосторожностями он избежал нового плена и пробрался к Камбизу в Сузы.

Фанес сообщил Камбизу много сведений по географии Египта, рассказал об удобных местах для нападения на египетские войска, о характере и ресурсах египетского царя. Грек посоветовал Камбизу отправиться в поход сушей, через Аравию, а для обеспечения безопасного прохода в Египет направить к предводителю арабов посольство с просьбой помочь персидским войскам пройти через их территорию. Камбиз так и поступил. Арабы тоже захо-

тели участвовать в войне против египтян. Они разрешили персам свободный проход через свою территорию. Для подкрепления своих обязательств арабский предводитель заключил соглашение с персами.

Большим затруднением, с которым столкнулась бы армия Камбиза, пересекая на пути в Египет пустыню, была бы нехватка воды. Поэтому арабский предводитель распорядился направить в пустыню большие караваны верблюдов, навьюченные мехами с водой. Верблюжьи караваны были высланы заблаговременно, до начала похода персидских войск и в те места, где потребность в воде была бы наибольшей. Греческий историк Геродот, совершивший путешествие в Египет не так уж много лет спустя после этих событий и описавший затем все, что видел и слышал, рассказал еще об одном способе, посредством которого арабский вождь, как утверждают, доставлял воду в пустыню. Речь идет о канале или трубопроводе, сооружавшемся из бычьих шкур, протянувшимся в песках на расстояние двенадцатидневного перехода в глубь пустыни от какой-нибудь реки, протекавшей в его владениях! Геродот говорит, что не поверил этим рассказам, хотя в написанном им историческом труде повсюду преподносятся как подлинные тысячи историй, гораздо более фантастических, чем идея доставки воды по кожаному трубопроводу описанным способом.

Как бы то ни было, арабский предводитель обеспечил водой армию Камбиза, которая благополучно прошла через пустыню. Наконец она вышла к границам Египта. Здесь персы узнали, что Амасис умер и престол наследовал его сын, Псамметих. Он выступил с войском навстречу вторгшейся в пределы его государства персидской армии. Произошло ожесточенное сражение. Египтяне были разбиты, а Псамметих бежал с остатками войск в верховья Нила в город Мемфис, чувствуя к интервентам жгучую ненависть. Ведь фактически у Камбиза не было предложения или оправдания для войны с Египтом. Бывшего царя Египта, который обманул отца Камбиза, уже не было в живых, а к наследнику египетского трона и народу страны не могло быть каких-либо претензий. Поэтому Псамметих расценивал вторжение Камбиза в Египет как произвол и ничем не оправданную агрессию. В глубине души он считал, что захватчики не заслуживают никакой пощады и не должны рассчитывать на милосердие. Вскоре египтяне захватили на реке в плен галеру с двумя сотнями персов. В ярости они растерзали персидских воинов на куски, что разозлило, в свою очередь, Камбиза. Война продолжилась дальше, причем зверская жестокость проявлялась с обеих сторон.

Во время египетского похода Камбиз настолько отличился на ниве бесчеловечных и жестоких действий, что люди сочли его безумцем. Сначала он проявлял некоторое подобие сдержанности, но в конце концов дошел до крайних способов насаждения зла и насилия.

Что касается сдержанности, то ее может продемонстрировать почти единственный известный пример обращения персидского царя с Псамметихом. В ходе войны Псамметих со всей семьей попал к персам в плен. Через несколько дней после этого Камбиз вывел несчастного царя за ворота города показать ему спектакль. Он состоял в том, что любимая дочь египетского монарха, одетая в платье рабыни, вместе с дочерьми знатных египтян и приближенных к царскому двору спускалась к реке с тяжелыми кувшинами за водой. Эту печальную сцену вместе с Псамметихом наблюдали отцы убитых горем девушек, остро переживавшие унижение своих детей. Проходя мимо, девушки громко плакали, их мучили стыд и ужас. Их отцы не могли сдерживать чувств сострадания. Камбиз же стоял улыбаясь рядом, он явно получал удовольствие от трагического спектакля. Лишь Псамметиха, казалось, не трогало происходившее, он стоял спокойно. Царь словно сбросил отчаяние и оцепенел. Камбиз был разочарован. Персидскому монарху не могло понравиться, что его жертва не испытывает мук, которым он ее подвергает.

За одной процессией последовала другая. Она состояла из египетских юношей с веревками на шеях, бредущих к месту казни. Камбиз приказал, чтобы за каждого из персов, убитых на захваченной египтянами галере, казнили по десять египтян. Поскольку на галере

находилось 200 персов, казни подлежали 2 тысячи египтян. Их выбрали среди сыновей из знатных семей. Родители, только что наблюдавшие за тем, как их милые и грациозные дочери занимаются тяжелым подневольным трудом, были вынуждены теперь следить за шествием на казнь длинной вереницы своих сыновей. Возглавлял колонну сын Псамметиха. Отцы и матери египтян, окружавшие Псамметиха, плакали и громко стонали при виде процессии своих чад, обреченных на смерть. Псамметих же оставался безмолвным и неподвижным, он, как и прежде, стоял с отсутствующим видом. Разочарование Камбиза росло. Без очевидных страданий жертвы, которую мучил персидский монарх, спектаклю, предназначенному для поверженного египетского царя, недоставало завершенности.

За второй колонной пленников настала очередь идти толпе изможденных людей разных сословий, которых всегда в избытке после захватов и грабежей осажденных городов. Среди них Псамметих узнал одного из своих друзей. Пленник был богатым и знатным египтянином, его часто приглашали во дворец царя и угощали во время пира. Теперь же друга Псамметиха низвели до крайнего истощения, он умолял окружавших дать ему что-нибудь поесть, чтобы спастись от голодной смерти. Увидев своего друга в таком ужасном состоянии, царь Египта стряхнул с себя оцепенение. В изумлении и жалости он окликнул несчастного по имени, а затем разрыдался.

Увидев это, Камбиз послал к Псамметиху слугу, справиться, в чем дело. «Мой господин желает знать, – сказал слуга, – почему ты спокойно смотрел на дочь, занятую рабским трудом, и на сына, идущего на казнь, но опечалился из-за страданий постороннего человека». Псамметих передал через слугу, что он опечален своей неспособностью помочь несчастному другу, его же скорбь и боль в связи с трагической участью детей были слишком велики, чтобы вызвать слезы.

Окружение Камбиза стало теперь сочувствовать египетскому царю и заступаться за него перед персидским монархом. Камбиза попросили пощадить сына Псамметиха. Тем читателям, которые знакомы с нашим повествованием о Кире, будет интересно узнать, что плененный царь Лидии Крész, который, как они помнят, был передан отцом перед своей гибелью в роковом походе на попечение Камбиза и который сопровождал нового персидского царя в походе на Египет, был среди самых активных ходатаев за Псамметиха. Камбиз позволил себя уговорить. Послали гонца с приказом отменить экзекуцию сына египетского царя, однако он прибыл слишком поздно. Несчастного царевича уже лишили жизни. На Камбиза все это так подействовало, что он воздержался в дальнейшем от каких-либо насильственных действий в отношении Псамметиха и его семьи.

Тем не менее, персидский деспот начал продвижение в верховья Нила, разоряя и грабя по пути страну. Наконец он завладел гробницей, в которой покоилось забальзамированное тело Амасиса. Царь приказал вытащить тело из саркофага и сделать его объектом глумления. По его приказу персидские солдаты били мертвого Амасиса прутьями, как будто он был все еще жив, пинали ногами и полосовали мечами. С головы трупа вырвали с корнями волосы, а безжизненное тело нафаршировали всеми мыслимыми видами гадостей. Затем Камбиз распорядился сжечь изувеченные и загаженные останки египетского царя, что для египтян явилось самым большим оскорблением, какое только можно было придумать.

Камбиз не упускал случая, чтобы оскорбить религиозные, вернее, суеверные чувства египтян. Его солдаты вторгались в египетские храмы, оскверняли их алтари и подвергали любую святыню египтян надругательству и глумлению. Среди религиозных святынь египтян был священный бык по имени Апис. Время от времени по всей стране среди этих животных выбирали священную особь по особым признакам, которые определяли жрецы на его шкуре и которые свидетельствовали о его божественной природе. Этого священного быка содержали в великолепном храме, кормили отборной пищей и ухаживали за ним с крайним благоговением. Чтобы напоить быка, использовали золотые сосуды.

Камбиз наведлся в город, где содержался бык, как раз в то время, когда жрецы проводили религиозную церемонию в праздничной и жизнерадостной обстановке. Персидский царь возвращался из неудачного похода и при вступлении в город был раздражен. Радость и веселье египтян, участвовавших в религиозной церемонии, разозлили его еще больше. Камбиз велел убить жрецов, руководивших церемонией. Затем он потребовал, чтобы ему показали помещение, где содержалось священное животное. После оскорблений и насмешек над чувствами египетских почитателей культа персидский царь нанес несчастному животному несколько ударов своим кинжалом. Бык в результате полученных ран умер, всю страну охватили ужас и негодование. Египтяне считали, что поступок нечестивого злодея неизбежно навлечет на него кару небес.

Во время пребывания в Египте Камбиз затеял несколько безрассудных военных походов в соседние страны. В припадке гнева, вызванного неудовлетворительным ответом его послам, царь внезапно и без соответствующей подготовки вторгся с войском в Эфиопию. Продовольственные запасы его армии истощились уже после того, как она прошла всего пятую часть пути. Однако, одержимый слепым безрассудством, Камбиз велел продолжать поход. Некоторое время его воины ели овощи, которые удавалось обнаружить в пути. Когда иссяк этот источник питания, они убивали и ели выючных животных. Наконец, доведенные до крайнего состояния голода, они стали убивать и есть друг друга. Только после этого Камбиз велел возвращаться. Однажды он послал в пустыню в направлении храма Амона большую армию без необходимых для этого приготовлений. Его армия так и не достигла пункта назначения, но и не вернулась. Жители оазиса утверждали, что персы попали в песчаную бурю и были занесены песком.

Камбизу служил один воин по имени Прексасп. Это был своего рода близкий друг и компаньон царя; его сын, наделенный совершенными духовными и физическими достоинствами юноша, подносил царю кубки с напитками, что считалось важной и почетной должностью. Однажды Камбиз спросил Прексаспа, что думает о царе народ Персии. Прексасп ответил, что персы высказываются о нем доброжелательно во всех отношениях, кроме одного. Царь пожелал узнать, что это за исключение. По словам Прексаспа, в народе было распространено мнение о чрезмерном пристрастии царя к вину. Эти слова оскорбили Камбиза. Под влиянием несправедливого гнева, который так часто толкает людей на грубость по отношению к себе подобным, ни в чем не виновным, – гнева, вызванного лишь тем, что они слышат не то, что им хочется слышать, царь решил наказать Прексаспа за откровенность. Он велел сыну воина, виночерпию, встать у противоположной стены помещения. «Теперь, – сказал царь, – я проверю, что говорят обо мне люди». Произнеся эти слова, Камбиз взял лук и стал натягивать стрелу на тетиву. «Если я не поражу юношу прямо в сердце, – продолжал царь, – то это докажет правоту людей. Если же мне удастся это сделать, значит, персы ошибались и я пью не так уж много, чтобы ослабла твердость моей руки». С этими словами царь поднял лук, спустил с тетивы стрелу, которая пронзила грудь юноши. Тот упал, и Камбиз хладнокровно приказал слугам обнажить грудь юноши и дать Прексаспу проверить, попала ли стрела в сердце сына.

Эта жестокость и целый ряд подобных ей бесчеловечных и безрассудных действий вызвали в мире молву о безумстве Камбиза.

Глава 2

Гибель Камбиза

Среди других проявлений разнузданного своеволия, которое навсегда запятнало имя Камбиза, была его женитьба на собственных двух сестрах, одну из которых он взял с собой в египетский поход. Для всех людей, за исключением тех, которые с раннего возраста усвоили привычки к самому беззастенчивому и гнусному пороку, достаточно природных инстинктов, чтобы удержаться от подобных преступлений. Видимо, сам Камбиз испытывал дурные предчувствия, когда задумал первый из этих браков. Он обратился в совет судей с просьбой высказать свое мнение о законности такого брака. В таких случаях цари обращаются за советом не потому, что они действительно хотят получить ответ на вопрос о том, как следует оценить их поступок с позиций добра и зла, а потому, что, задумав совершить свой порочный поступок, они желают получить от своих советников легальную санкцию, оправдывающую их бесчестные действия, и предупредить общественное негодование, которое они могут вызвать.

Судьи, к которым обратился Камбиз, хорошо понимали, что от них требуется. После обстоятельного совещания они прислали царю ответ такого содержания: хотя им не удалось найти закона, позволяющего мужчине жениться на своей сестре, имеется в наличии много законов, позволяющих монарху действовать по своему усмотрению. В соответствии с этим заключением Камбиз немедленно осуществил свое намерение жениться. Сначала он взял в жены старшую сестру по имени Атосса. Впоследствии она стала выдающимся историческим персонажем. Атосса была дочерью Кира, женой Дария и матерью Ксеркса. Она явилась связующим звеном трех могущественных властителей Востока. Насколько сестры желали разделить вину за кровосмесительные браки, остается тайной. Та из них, что отправилась в египетский поход с Камбизом, отличалась мягким и покладистым характером, будучи в этом отношении полной противоположностью своему брату. Возможно, вступив с ним в брак, она лишь уступила деспотической воле Камбиза.

Помимо сестры, Камбиз взял в египетский поход своего брата Смердиса. Он был младше Камбиза, но превосходил его в физической силе и других достоинствах. Камбиз относился к этому весьма ревниво. Он не осмелился оставить брата править в Персии на время своего отсутствия, опасаясь, что тот воспользуется временной властью для захвата трона. Камбиз решил увезти Смердиса в Египет, а временное управление государством оставить двум регентам-магам. Маги занимали в правящей иерархии высокое положение, но не имели наследственных прав на престол. Как полагал Камбиз, это уменьшит опасность узурпации ими власти. Случилось так, что одного из магов звали тоже Смердис. Это совпадение имен мага и царевича привело в конечном счете к весьма серьезным последствиям.

Стесненность и зависть, которые Камбиз испытывал в общении с младшим братом, не исчезли полностью после того, как тот отправился вместе с царем в египетский поход. Находясь под личным наблюдением царя, Смердис в ряде случаев проявил мужество и такие военные способности, что Камбиз стал опасаться его влияния на командиров и солдат. Наконец произошел случай, который распалил зависть царя еще больше, и он решил отправить брата назад в Персию. А произошло следующее.

После того как Камбизу удалось завладеть всем Египтом, он наряду с другими безрассудными планами задумал вторжение на земли эфиопов, проживавших во внутренних районах Африки вокруг истоков Нила и за ними. Эфиопы славились своей свирепостью и храбростью. Перед выступлением в поход Камбиз захотел разведать их территорию и решил послать туда своих шпионов. Но поскольку Эфиопия была далеко, а ее жители сильно отли-

чались от других народов по обычаям, языку, одежде и поведению, персидским лазутчикам вряд ли удалось бы пробраться тайком в земли эфиопов и добыть там информацию, не обнаружив себя. Фактически вызывала сомнения сама возможность для лазутчиков добраться до Эфиопии.

Но далее в верховьях Нила, близ водопадов, в районе, где река расширяется и образует нечто вроде лагуны, находился большой и плодородный остров Элефантин, который населяло полудикое племя иктиофагов. Туземцы промышляли главным образом ловлей рыбы, и поэтому у них было много лодок, на которых они привыкли совершать продолжительные путешествия вверх и вниз по реке. Название племени происходило от его основного занятия. Это греческое слово, и оно переводится буквально как «едоки рыбы». Образ жизни и обычаи полудивилизованных или диких народов тесно связаны со способом добывания ими средств существования. Некоторые из них зависят от охоты на диких зверей, другие – от скотоводства, третьи – от земледелия, четвертые – от речного или морского рыболовства. Эти четыре различных способа добывания пропитания ведут к такому же количеству совершенно различных образов жизни; любопытно, однако, что в то время как племя охотников существенно отличается от племени скотоводов или рыбаков, хотя они могут жить по соседству, все племена охотников, какие бы расстояния их ни разделяли, очень похожи друг на друга по характеру, обычаям, способам общения. Так обстоит дело и с остальными упомянутыми выше племенами, связанными с другими видами деятельности. Греки заметили эти особенности различных диких племен и, где бы они ни встречали племя, промышлявшее рыбной ловлей, называли его иктиофагами.

Камбиз связался с иктиофагами с острова Элефантин, попросив их предоставить проводников, знающих путь в Эфиопию и эфиопский язык. Он сформировал из них посольство и снабдил послов подарками, которые надлежало передать правителю Эфиопии в знак дружбы. Подарки, однако, были лишь предлогом для посещения страны послами, фактически шпионами. Расчет строился на том, что под этим предлогом послы посетят эфиопскую столицу и двор правителя, не подвергая себя опасности, а затем доставят Камбизу добытую информацию.

Подарки представляли собой такие безделушки и украшения, которые, по мнению персов, понравятся свирепому правителю. Среди них было несколько богатых облачений разной окраски, золотые цепочки на шею, золотые браслеты, алебастровая шкатулка с весьма ценными духами и другие изделия подобного рода, а также большой кувшин вина.

Иктиофаги взяли с собой подарки и отправились в путь. После длительного путешествия они прибыли в страну эфиопов и доставили их правителю подарки с сопроводительным письмом Камбиза. Подарки, сказали они, посланы Камбизом в знак его желания стать другом и союзником эфиопского правителя.

Правитель, вместо того чтобы поверить в лицемерный обман, сразу же разоблачил его. Он сказал, что прекрасно понимает мотивы отправки к нему Камбизом такого посольства, и порекомендовал Камбизу довольствоваться тем, что имеет, а не строить агрессивные планы насчет своих соседей. Затем эфиопский правитель обратился к подаркам, которые привезли послы. Он взирал на них с пренебрежением. Потом он заметил пурпурное облачение и поинтересовался, натуральная или искусственная окраска ткани, из которой сшито платье. Гонцы ответили, что ткань окрашена, и стали объяснять процесс покраски. Однако, вопреки ожиданиям гонцов, полагавших, что их разъяснения произведут впечатление на туземного властелина, этого так и не дождались. Он проникся лишь еще большим презрением к тому, что считал фальшивым великолепием. «Красота облачений Камбиза столь же обманчива, – сказал он, – сколь и его заверения в дружбе». С тем же пренебрежением правитель отнесся к золотым браслетам и цепочкам, усматривая в них компенсацию за навязывание эфиопам оков и цепей. Он сказал, что эти вещи, может быть, подходят изнеженным персам, но они

чрезвычайно малы для него. Вино, тем не менее, властителю понравилось. Он выпил его с большим удовольствием и сказал послам из племени иктиофагов, что это единственный подарок, который заслуживает того, чтобы его принять.

В ответ на присланные Камбизом подарки правитель Эфиопии, отличавшийся необычайной силой, вручил послам свой лук, дабы они передали его Камбизу в качестве символа непреклонности Эфиопии. Он предложил царю проверить, есть ли в его армии воин, способный согнуть этот лук. «Скажите Камбизу, – добавил эфиоп, – что он сможет помышлять о вторжении в Эфиопию только тогда, когда его воины смогут сгибать подобные луки, а пока же он может почитать за счастье, что эфиопы не так амбициозны и жадны, чтобы стремиться напасть на него».

Когда посольство вернулось к Камбизу с ответным посланием из Эфиопии, самые сильные персидские воины, разумеется, захотели убедиться, смогут ли они согнуть лук. Смердис оказался единственным, кто смог это сделать. Доказав свое превосходство в силе над другими, он прославился еще больше. Возросли также ревность и раздражение Камбиза в связи с этим. Он решил отправить Смердису назад в Персию. Будет лучше, думал он, подвергнуться риску восстания дома, чем держать брата при дворе, постоянно подвергая себя унижению и огорчению из-за бесконечных демонстраций его превосходства.

Однако царь не успокоился после отъезда брата. Напряженные думы и беспокойные сны, в которых являлся Смердис, не давали ему покоя. Однажды ночью царю приснилось, что он видит Смердису сидящим на троне и разросшимся в размерах до такой степени, что его голова касалась неба. На следующий день Камбиз, посчитавший, что сон пророческий и Смердис собирается захватить царский трон, решил разом покончить со всеми своими тревогами и страхами. Он вызвал воина дворцовой стражи – того самого Прексаспа, сына которого убил выстрелом из лука, как было рассказано в предыдущей главе, и велел ему немедленно отправляться в Персию, чтобы убить Смердису. Убийство сына Прексаспа, рассказ о котором иллюстрировал скверный характер Камбиза, произошло на самом деле после того, как Прексасп вернулся из Персии.

Прексасп уехал в Персию и убил Смердису. Имеются различные версии того, как это произошло. По одной из них, посланец царя придумал способ утопить Смердису в море; по другой – брат Камбиза был отравлен, по третьей – его убили в лесу, когда он отправился на охоту. Как бы то ни было, дело было сделано, Прексасп вернулся в военный лагерь Камбиза и доложил, что царю больше не нужно беспокоиться о замышляемых братом планах.

Между тем Камбиз становился с каждым днем все более деспотичным и жестоким. Однажды он велел по ничтожному поводу закопать живьем двенадцать своих царедворцев. Поразительно, что в государстве могут быть установления и правила, позволяющие одному человеку так возвыситься над другими, что подобные его приказы выполняются беспрекословно. В другой раз сестра и жена Камбиза, горевавшая из-за смерти Смердису, отважилась посетовать мужу на это. Присев на край стола с цветком в руке, она стала медленно обрывать его лепестки и отрывать от стебля кусочки, оставляя их на столе. Женщина спросила Камбиза, какой цветок нравится ему больше: целый или разорванный на кусочки. «Разумеется, целый», – сказал Камбиз. «Однако ты, – упрекнула его жена, – начал рвать на части и уничтожать нашу семью, как я только что уничтожила этот цветок». Услышав этот упрек, Камбиз метнулся к сестре с яростью тигра. Он швырнул ее на пол и стал топтать ногами. Слугам удалось оттащить и увести ее. Однако побои оказались роковыми, женщина тяжело заболела и умерла.

За этими внезапными и ужасными припадками гнева Камбиза следовали, как это часто бывает, раскаяние и нытье. Иногда его воины, предвидя смену настроений господина, не выполняли его жестоких приказов, а прятали жертву его слепой и безрассудной ярости, пока она не проходила. Так было в случае с Крёмом. С годами Крём превратился в почтенного

старца. Он был долгое время другом и преданным советником отца Камбиза. Он знал Камбиза с детства. Кир поручил ему смотреть за сыном, помогать советами во всех необходимых случаях исходя из своего опыта и умудренности жизнью. Во время последней встречи с сыном перед своей гибелью Кир и его обязал оберегать Крёза как старого и надежного друга отца, относиться к нему с уважением и вниманием.

В связи с этим Крёз посчитал себя вправе указать однажды Камбизу на неуравновешенность его поведения и жестокость. Он сказал царю, что следует сдерживать свои вспышки гнева, что, хотя персидские воины и подданные прошли с ним такой длинный путь, они могут не выдержать его чрезмерных жестокостей и восстать. Таким образом царь может неожиданно лишиться власти, которой пользуется столь невоздержанно и безрассудно. Крёз извинился за совет, заметив, что чувствует себя обязанным предостеречь Камбиза от опасности, повинаясь указаниям отца царя, Кира.

Услышав эти слова, Камбиз рассвирепел. Он накричал на Крёза, заявив, что тот слишком самонадеян, давая ему такие советы. Камбиз с издевкой стал укорять его в собственных несчастьях, потере много лет назад своего царства – Лидии, а потом обвинил Крёза в даче неверных советов Киру, из-за чего на долю отца до конца его жизни выпадали тяжкие испытания. Наконец, распалившись в гневе, Камбиз упрекнул Крёза в том, что тот давно ненавидит его, и сказал, что он уже долго вынашивает намерение наказать бывшего правителя Лидии. «А теперь, – сказал Камбиз, – ты предоставил мне удобный случай для этого». Произнося эти слова, царь схватил свой лук и стал налаживать на его тетиву стрелу. Крёз бежал. Камбиз велел слугам поймать и убить его. Воины понимали, что царь будет сожалеть о своем поспешном, безрассудном приказе, как только утихнет его гнев, поэтому они спрятали Крёза. Через несколько дней, когда тиран начал раскаиваться, а также оплакивать смерть Крёза, ему доложили, что тот жив. Воины сказали, что они осмелились спасти его, потому что хотели удостовериться, действительно ли царь решил предать Крёза смерти. Камбиз был безмерно рад сообщению о том, что Крёз остался жив, однако не простил спасителей бывшего лидийского царя. Персидский монарх велел всех их казнить.

Камбиз предавался с тем большим остервенением своим жестокостям, что верил в определенные чары. В Мидии он советовался с оракулом относительно перспектив своей жизни, и тот предсказал, что царь умрет в Экбатане. Теперь Экбатана стала одной из трех столиц империи наряду с Сузами и Вавилоном. Экбатана располагалась севернее двух других столиц и вдали от опасных регионов. Основные правительственные решения принимались в Вавилоне и Сузах, между тем Экбатана использовалась больше как резиденция царей. Она служила убежищем от опасности, местом уединения монархов в случае болезни и старческой немощи. Словом, Сузы считались центром управления, Вавилон – торговым центром, а Экбатана – домашней резиденцией.

И поскольку оракул в ответ на просьбу Камбиза предсказать обстоятельства его смерти сказал, что царю суждено умереть в Экбатане, это означало, как полагал Камбиз, что его ожидает спокойная смерть в собственной постели в положенный час. Считая, что судьба устранила с его жизненного пути все опасности внезапной или насильственной смерти, он предавался порокам и капризам, помня лишь о сути предсказания, но забыв конкретный смысл слов.

В дальнейшем Камбиз, покорив Египет, повернул со своей армией на север, двигаясь вдоль побережья Средиземного моря, пока не достиг Сирии. Частью Сирии была область Галилея, часто упоминаемая в Библии. Пересекая Галилею во главе передового отряда армии, Камбиз прибыл в небольшой городок и расположился там лагерем. Городок был столь незначительным, что персидский царь даже не знал его названия. Однако привал в этом месте был отмечен весьма памятным событием. Царь встретил здесь глашатая, который, разъезжая по Сирии, говорил, что он послан из Суз объявить народу Сирии, что Смер-

дис, сын Кира, взял в свои руки управление империей и отныне всем ее подданным следует подчиняться повелениям, исходящим только от нового царя!

Камбиз был убежден, что Смердис мертв, ведь Прексасп сказал, что убил младшего брата царя. Теперь он вызвал Прексаспа и спросил, что означает эта новость из Персии. Тот настаивал, что Смердис мертв, он лишил его жизни собственными руками и видел, как его похоронили. «Если мертвые способны встать из могилы, – добавил Прексасп, – тогда Смердис, возможно, поднял против тебя восстание, но ни в каком другом случае».

Прексасп посоветовал царю послать отряд воинов, чтобы схватить глашатая и выяснить на допросе, от имени какого правителя он выступает. Камбиз так и сделал. Глашатая схватили и привели к царю. На вопрос о том, верно ли, что Смердис действительно узурпировал власть и послал его объявить об этом, тот ответил утвердительно. Он сказал, что сам не видел Смердиса, поскольку тот не выходил из своего дворца, но ему сообщил о смене власти один из магов, которых Камбиз оставил управлять империей. Именно этот маг отправил глашатая оповестить о восшествии Смердиса на престол.

Прексасп заявил после этого, что у него нет сомнений в осуществлении заговора с целью захвата власти теми двумя магами, которых Камбиз оставил временно управлять империей. Он напомнил Камбизу, что одного из магов звали Смердис и что, вероятно, этот Смердис и узурпировал власть. Камбиз согласился с ним. Сон, в котором он видел Смердиса с головой, касающейся неба, относился – теперь уже царь не сомневался – к магу Смердису, а не к брату. Камбиз стал горько упрекать себя за то, что добивался смерти невинного брата, но его раскаяние вскоре сменилось яростью и стремлением отомстить подлинному узурпатору. Он кликнул своего коня и в страшной спешке стал садиться в седло, чтобы немедленно отдать приказание о подготовке похода на Сузы.

Когда он в ярости садился в седло, то случайно или по небрежению из-за спешки упали на землю ножны, обнажив меч, лезвие которого поранило бедро царя. Слуги подхватили Камбиза и отнесли в его шатер. Осмотр раны показал, что она весьма опасна, а состояние сильного возбуждения, раздражение, досада, бессильная ярость, будоражившие разум пациента, не способствовали его выздоровлению. В ужасе перед возможным смертным исходом Камбиз спросил, как называется город, в котором он находится. Ему ответили, что название города Экбатана.

Царь никогда не думал, что могла существовать, помимо роскошной резиденции в Мидии, другая Экбатана, но, узнав название городка, в котором расположилась лагерь его армия, Камбиз понял, что пришел его последний час. Им овладели раскаяние и отчаяние.

Рана тоже доставляла царю невыносимые боль и страдания. Лезвие меча проникло до кости, и поэтому возникло сильное воспаление. Через несколько дней острая боль, которую испытывал царь, утихла, хотя область воспаления от раны разрасталась все больше, а состояние больного становилось безнадежным. Раненый царь лежал на своем ложе бледный, изможденный и жалкий.

На двенадцатый день после ранения Камбиз созвал ведущих царедворцев и военачальников, чтобы сообщить им о своей скорой смерти и о том, что несчастье, выпавшее на долю царя, вынуждает его рассказать в их присутствии то, что он скрыл бы в иных обстоятельствах. Человек, узурпировавший трон под именем Смердиса, сказал царю, не был и не мог быть его братом, сыном Кира. Камбиз рассказал своему окружению, как сон возбудил в нем страх перед возможностью захвата власти младшим братом Смердисом, и потому он приказал убить брата. Он сказал, что власть захватил маг Смердис, которого царь оставил одним из регентов на время египетского похода. Царь призвал своих сподвижников не подчиняться узурпатору, направиться в Мидию, и если они не смогут свергнуть мага при помощи армии, то пусть добиваются этого посредством хитрости, обмана и любых других средств, ведущих к успеху. Камбиз говорил с ненавистью и жадной мщеньем, горевшей в его запавших глазах;

хотя болезнь, боль и приближение смерти совершенно изменили внешний облик больного, внутри него никаких перемен не произошло.

Вскоре после встречи со своими придворными Камбиз испустил дух.

Чтобы проиллюстрировать, как относились к бывшему властителю те, кто знал его лучше других, достаточно сказать, что придворные, слушавшие признания царя, не поверили ни одному его слову. Они решили, что история, рассказанная им умирающим тираном, была вымыслом, продиктованным его ненавистью и завистью к брату. Придворные считали, что царем себя провозгласил подлинный Смердис и что Камбиз выдумал, будто велел убить брата, чтобы удержать персов от безропотного подчинения власти нового правителя.

Глава 3

Маг Смердис

Камбиз и его приближенные были правы в своих предположениях, что трон Персидской империи узурпировал маг Смердис. Как утверждали, этот Смердис внешне был очень похож на младшего сына Кира, равно как и был его тезкой. Другой маг, оставленный Камбизом на регентство, был братом первого. Его звали Патицит. Когда Камбиз отбыл в поход, эти маги, получая, вероятно, сведения о дурном поведении царя и зная, что его деспотизм оттолкнул от него подданных, задумали взять власть в империи в свои руки. Длительное отсутствие Камбиза с армией способствовало успеху их заговора. Им на руку был также контроль над столицей и крепостями страны, а то, что маг Смердис был тезкой брата Камбиза, увеличивало шансы на захват власти. Ко всем этим благоприятным обстоятельствам добавлялось недовольство персов жестокостью Камбиза.

О возвращении Смердиса, брата царя, широко оповестили население, меж тем как факт его убийства хранился в глубокой тайне. Даже придворные Камбиза в Египте ничего не знали об этом преступлении, пока царь на смертном одре не сказал об этом, но и тогда не поверили ему. Вряд ли об убийстве знали в Мидии и Персии. Скорее всего, в империи полагали, что младший сын Кира жив и уединился в каком-либо из царских дворцов.

Члены царской семьи довольно часто уединялись подобным образом, предаваясь утонченным удовольствиям за стенами дворцов, в парках и садах. Поэтому, когда царевич Смердис внезапно исчез при загадочных обстоятельствах, магу Смердису не составило труда занять его место при содействии некоторых придворных и помощников. Своими преступлениями, продиктованными страхом перед возможным переворотом, Камбиз подтолкнул мятежников к захвату трона и гарантировал успех их дела. Одним словом, он был саморазрушителем. Подобно многим порочным людям, царь обнаружил в конце жизненного пути, что злодейства, совершенные им против других, постепенно и неуклонно разрушали его самого.

Камбиз, следовательно, сам внушил своими действиями народу Персии веру в то, что узурпатор Смердис – подлинный сын Кира и очередной наследник престола. Армия Камбиза в Египте тоже в это верила. Кроме того, Прексасп после смерти Камбиза счел более безопасным отрицать, нежели подтверждать убийство им царевича. Он утверждал, что признания Камбиза лживы и он не сомневается, что новый царь, от имени которого управляют империей власти Сузы, действительно сын Кира, подлинный и законный наследник трона. Таким образом, все политические силы в империи приняли без возражений то, что, как они полагали, было законным наследованием власти.

Между тем узурпатор оказался в весьма рискованной ситуации. Она требовала от него большой изобретательности и ловкости, чтобы удержаться у власти. Он договорился с братом разделить выгоды, полученные от захвата трона обманым путем. Смердис должен был пользоваться благами и удовольствиями, которые дает власть, а Патицит собирался править. Это был самый надежный план. Смердис, живя в уединении и предаваясь удовольствиям, не показывался бы на публике, в то время как Патицит, действуя в качестве первого министра, присутствовал бы на заседаниях сановников, издавал указы, производил смотры войскам, направлял посольства, выполнял бы функции верховного военного руководителя и делал бы это тоже не без удовольствия. Видимо, Патицит был душой плана. Он был амбициозен, одержим и поскольку один мог пользоваться реальной властью, то хотел, чтобы брату достались почет и слава от нее. Патицит, следовательно, правил империей именем Смердиса.

Со своей стороны Смердис довольствовался дворцами, парками и садами Мидии и Персии, жил там уединенно в роскоши и великолепии. Он редко появлялся на людях, но,

когда это случалось, старался не дать рассмотреть себя зрителям на близком расстоянии. Фигурой, внешним видом, манерой поведения, выражением лица он очень походил на убитого царевича. Но было одно обстоятельство, сильно беспокоившее самозванца: он боялся, как бы кто-нибудь не выдал, что ему отрезали уши. Это было сделано много лет назад по приказу Кира за одно преступление, совершенное Смердисом. Следы увечья можно было скрыть на людях тюрбаном, шлемом или другим головным убором, но сохранялась опасность, что кто-нибудь заметит в приватной обстановке отсутствие ушей или постоянное стремление лжецаря скрыть это. Поэтому Смердис был крайне осторожен, старался избегать соглядатаев. Он заперся в апартаментах дворца в Сузах, располагавшегося внутри крепости, и воздерживался от приглашений к себе знатных персов.

Среди удовольствий и роскоши, которые Смердис обнаружил в царских дворцах и воспользовался ими в полной мере, были также жены Камбиза. В те времена восточные цари и царевичи – как это принято во многих восточных странах и сегодня – имели много жен, которые выполняли более или менее часто разного рода супружеские обязанности, более или менее часто вступали в интимные отношения со своими мужьями и суверенами. Во многих отношениях эти жены занимали положение рабынь, что особенно отчетливо проявлялось после смерти суверена, когда они, подобно другому имуществу, переходили в собственность наследника, который по своему усмотрению отбирал часть из них для собственного употребления. Пока это не произошло, несчастные женщины сидели после смерти своего господина взаперти, подобно скорбящим людям, удаляющимся от мирской жизни в связи с тяжелыми переживаниями об утрате.

После того как Смердис заступил на трон и узнал о смерти Камбиза, он обратил жен бывшего царя в свою собственность. Среди жен была Атосса, уже упоминавшаяся дочь Кира, сестра Камбиза и его жена. Чтобы эти придворные дамы не разоблачили его самозванство, маг продолжал содержать их в отведенных им апартаментах в заточении. Нескольким из наиболее понравившихся ему жен он позволял посещать себя поочередно, в то же время препятствуя их общению друг с другом.

Одну из жен звали Фатима. Она была дочерью знатного и влиятельного перса по имени Отан. Подобно другим представителям знати, Отан наблюдал и размышлял над поразительными обстоятельствами, сопровождавшими восшествие Смердиса на престол; перса удивлял его уединенный образ жизни, нежелание вопреки общепринятому для монарха поведению общаться со знатью и народом. Отана и его сподвижников мучили сомнения, но ни один из них не осмелился поделиться ими с другим. Наконец Отан, будучи человеком энергичным, умным и осторожным, решил выяснить правду.

Сначала он послал к своей дочери Фатиме гонца, чтобы узнать, действительно ли она общается теперь со Смердисом, сыном Кира.

Фатима ответила отцу, что не знает, поскольку до смерти Камбиза никогда не видела Смердиса, сына Кира. Отан связался с Фатимой еще раз, попросив ее поговорить об этом с царицей Атоссой. Она ведь была сестрой Смердиса и знала его с детства. В ответ Фатима сообщила, что не может связаться с Атоссой, поскольку та содержится в отдельных апартаментах дворца и доступ к ней невозможен. Отан связался с дочерью в третий раз. Он передал через гонца, что у нее остался один способ выяснить правду. Когда в следующий раз Фатима придет к царю на свидание, пусть она ощупает уши господина, когда тот заснет. Если ушей у него не окажется, значит, это маг Смердис. Отан настаивал, что дочь должна выполнить его поручение, доказывая, что если царь обманщик, то обман должен быть разоблачен, и она, будучи благородного происхождения, должна проявить смелость и раскрыть обман. На это Фатима ответила, что выполнит волю отца, хотя и понимает, что это связано с риском для жизни. «Если у него нет ушей, – сказала она, – и если я разбужу его, убеждаясь в этом, то он убьет меня. Уверена, что он убьет меня на месте».

Когда пришла очередь Фатимы навещать царя, она сделала все так, как просил отец. Осторожно засунув руку под тюрбан царя, она обнаружила, что его уши обрезаны. Рано утром дочь сообщила об этом отцу.

Отан немедленно рассказал об этом двум своим друзьям, знатным персам, которые тоже подозревали обман. Теперь вопрос заключался в том, что делать дальше. Они решили, что каждый из них должен сообщить о раскрытии обмана одному своему другу, на чьи решимость, благоразумие и верность можно было положиться. Так все и поступили, и число посвященных в тайну увеличилось до шести человек. Как раз в это время Дарий, сын Гистаспа, молодой человек, который упоминался уже как персонаж сна царя Кира, прибыл в Сузы. Дарий был достаточно знатен и известен. Его отец занимал пост губернатора одной из провинций Персии, и Дарий находился при нем. Как только шестеро заговорщиков узнали о прибытии сына губернатора, они ввели его в свой круг, и число участников заговора увеличилось таким образом до семи.

Они немедленно начали тайные совещания с целью определить, как действовать дальше, предварительно связав себя торжественной клятвой не предавать друг друга, какой бы исход ни сулило их предприятие. Дарий сообщил друзьям, что он сам раскрыл обман, повлекший узурпацию власти Смердисом, и приехал из Персии, чтобы убить самозванца, но теперь, когда круг посвященных расширился, он считает, что нужно немедленно действовать, что промедление чревато большой бедой.

Отан считал, что они еще не готовы, нужно увеличить число сообщников, семерых недостаточно, чтобы преобразовать империю. Отан ценит мужество и решимость Дария, однако считает, что благоприятный результат обеспечат осторожные и продуманные действия.

Дарий ответил, что способ действий, предложенный Отаном, неприемлем.

– Если о наших планах узнает много людей, – сказал он, – то, несмотря на все меры предосторожности, всегда найдется несколько человек, которые выдадут нас ради награды царя. Нет, – добавил сын Гистаспа, – мы должны действовать самостоятельно. Возбуждать подозрений не следует, нужно немедленно идти во дворец, смело войти в апартаменты Смердиса и убить его раньше, чем он заподозрит подлинную цель нашего визита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.